

В. Д. ЛЕВИН

ЗАМЕТКИ О ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX в.

Описать состояние русского литературного языка конца XVIII в. чрезвычайно трудно. И дело здесь не только в разнородности фактов и процессов, не только в том, что одновременно публикуются книги, которые кажутся по языку отстоящими друг от друга на десятилетия (а для истории литературного языка в XVIII в. несколько десятилетий — срок немалый), но прежде всего в том, что эти разнородные явления слабо соотнесены между собой и поэтому не укладываются в рамки единой стилистической системы. Именно в таких случаях оказывается полезным воспользоваться — как исследовательским приемом — понятием синхронного сосуществования стилистических систем, относительно изолированных друг от друга, отражающих разные этапы развития литературного языка, обладающих каждая своими понятиями и — соответственно — терминами.¹ Это понятие дает возможность распределить синхронно существующие факты конца века по разным плоскостям и определить их иерархию, создавая тем самым необходимую историческую перспективу, выявляя тенденции развития. Внося порядок, какие-то системные отношения в хаотическое нагромождение разнородных явлений, оно снимает многие трудности, возникающие при характеристике русского литературного языка последних десятилетий XVIII в.

Несколько упрощая, для этого времени можно обнаружить три типа стилистических отношений: характерных для системы трех стилей, для периода господства «славяно-русского языка» и соотнесенного с ним «простого стиля» (не «низкого»), и, наконец, для так называемой «карамзинской» системы. Здесь раскрывается процесс формирования книжного языка и его норм — от разграничения высокого и среднего стилей, через развитие «сла-

¹ См. мою статью в сборнике «Историко-филологические исследования», посвященном 75-летию акад. Н. И. Конрада (изд. «Наука», 1966).

вяно-русского языка», к формированию «нового слога» с его стилистическими разновидностями.²

Представление о сосуществовании стилистических систем в то же время не только не устраняет, но, напротив, обостряет восприятие многих явлений литературного языка этой и непосредственно примыкающей поры как переходных, «гибридных» — с точки зрения исторического процесса — форм. Реальные стилистические отношения в этот период невозможно свести просто к отношениям внутри старой или новой систем: изменения разных сторон стилистической системы литературного языка, обладающих относительной самостоятельностью, могут происходить неравномерно и неодновременно.

Поэтому, констатируя те или иные изменения в литературном языке этого времени, сравнивая и сопоставляя различные тексты, надо отдавать себе ясный отчет, какие это изменения и чем отличаются сравниваемые тексты — действительно иной нормой употребления языка — иным представлением о стилистических свойствах языковых единиц, иной функцией традиционного материала, или, может быть, только иными принципами «выбора» стиля для данного содержания, или, наконец, только различной степенью стилистической «ровности» текста. Очевидно, что эти моменты отражают движение стилистической системы по-разному и в разной степени. Без дифференцированного подхода к разным сторонам системы невозможно достаточно четко оценить такие различные явления языка второй половины XVIII в., как произведения Державина, Радищева, Новикова и др.³

Но особые трудности возникают в связи со специфическими особенностями развития языка художественной литературы. Легко заметить, что в последние десятилетия XVIII в. и особенно в начале XIX в. определенной автономностью уже обладают, с одной стороны, нормы общелитературного языка с его стилистическими вариантами и, с другой стороны, состав и границы стилистически значимых элементов художественной речи.⁴ Даже у Карамзина,

² Подробнее этот вопрос рассмотрен мною в книге: Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—нач. XIX в. (Лексика). Изд. «Наука», М., 1964.

³ См., например, справедливое замечание Г. О. Винокура о том, что в «Путешествии» Радищева «нет никаких отступлений от стилистических норм классицизма, если не считать отступлением соединение разных литературных стилей в одном переплете вследствие новости самого жанра, и язык Радищева с этой точки зрения есть вполне язык своей эпохи». Но это «если не считать отступлением ...» и т. д. очень характерно: «соединение разных стилей», это, разумеется, отступление от традиций, но оно не такого рода, чтобы можно было бы говорить о кризисе самой стилистической системы или разрушении ее языковых норм (см.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Учпедгиз, М., 1959, стр. 160; см. также: В. Д. Левин. Очерк стилистики, стр. 20 и сл.).

⁴ Пушкин хорошо различал эти явления. Можно сослаться, например, на его характеристику Ломоносова, который и «утверждает правила обще-

преобразования которого были направлены на пересмотр обеих групп (с оговоркой, которая ниже будет сделана), это обстоятельство выразилось в неравномерности этого процесса. У многих же других авторов этой поры мы можем обнаружить как случаи, когда усвоение новых «карамзинских» общелитературных норм совмещается с традиционным представлением о высоком стиле в художественной литературе, так и случаи, когда отказ от крайностей высокого стиля не сопровождается такой же последовательностью в отказе от архаических элементов «средней» литературной нормы. Все это нетрудно объяснить: понимание общелитературной нормы слабо зависит от внешних факторов, непосредственно отражая языковые вкусы и их эволюцию, в то время как представление о «высоком стиле» (и еще более о «низком») находится в тесной зависимости от состояния литературы. Это обстоятельство заставляет пристальнее взглянуть в художественную литературу как в ту среду, где происходит языковое развитие, а отчасти и как в один из важных факторов такого развития.

Вообще, когда речь идет о тех явлениях литературного языка этого времени, которые наиболее тесно связаны с художественной практикой эпохи, подход к ним с точки зрения сосуществования стилистических систем оказывается чрезвычайно плодотворным, хорошо согласуясь с сосуществованием в этот период враждебных друг другу и исторически преемственных систем самой литературы.⁵ Так, давно отмеченное исследователями (особенно четко в работах Г. А. Гуковского и Г. О. Винокура) изменение в новой литературе стилистической экспрессии высоких славянизмов, превращение их в элементы «поэтического языка» и в связи с этим функционально-стилистическая двойственность многих таких славянизмов в зависимости от контекста и условий употребления хорошо объясняются с точки зрения того факта, что «высокая» (в старом терминологическом смысле, как свойственная высокому стилю) и «поэтическая» экспрессии принадлежат разным — но сосуществующим определенное время — стилистическим системам.

Сама устойчивость старых стилистических норм в художественной литературе рассматриваемой поры отчасти объясняется экспрессивной бедностью «нового слога», ограниченностью его художественных возможностей. В этой связи примечательны слова Шевырева о том, что в «карамзинском веке» нет еще попыток

ственного языка», и «открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». Очевидно, что такое разграничение не мог бы провести современник Ломоносова.

⁵ См. тезисы Ю. Тынянова и Р. Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка» (1928 г.): «Понятие литературной синхронической системы не совпадает с понятием наивно мыслимой хронологической эпохи». И далее: «Недостаточно безразличной каталогизации сосуществующих явлений, важна их иерархическая значимость для данной эпохи» (*Michigan Slavic Materials*, № 2, *Readings in Russian poetics*, Ann Arbor, 1962, стр. 102).

передать «классическую древность и образцы литератур европейских в новых формах русского слова»,⁶ в то время как на языке, «завещанном Ломоносовым», давался полный круг образования своего времени.

Судьба многих элементов литературного языка этого времени находится в прямой зависимости от судеб самой литературы, и существуют они постольку, поскольку существуют те виды литературы, для которых они характерны. Так, само понятие «высокого стиля» становится постепенно — особенно отчетливо в первые десятилетия XIX в. — категорией исключительно художественной речи. Формирование так называемой «поэтической» лексики и фразеологии также, естественно, отражает развитие художественной речи. Язык литературы, следовательно, это особая проблема, но — для этого времени — внутри общей проблематики литературного языка, поскольку речь идет не об индивидуальных художественных стилях, а об общих нормах художественной речи в ее разновидностях (ведь «понятие литературности языка» стало отделяться от «понятия художественности выражения», по замечанию акад. В. В. Виноградова, только с середины XIX в.).⁷ Сама эта относительная автономность языка литературы на территории литературного языка, характер и формы этой автономности входят в число важнейших характеристик стилистической системы языка в целом. В связи со сказанным возникает и более общая задача — сделать попытку обогатить наши представления о различных литературных направлениях, классицизме, сентиментализме и романтизме, — установив их собственно языковые характеристики на фоне и в связи с общеязыковыми нормами эпохи. Возможно, это окажется полезным и в свете замечания П. Н. Беркова относительно сосуществования переходных, гибридных по своей природе литературных направлений.⁸

Спор «архаистов» и «новаторов» — это, поскольку речь шла о стилистических расхождениях, прежде всего спор о языке литературы. П. Н. Берков справедливо замечает, что в высказываниях «староверов» «литература XVIII века истолковывалась как непререкаемая норма».⁹ Но очевидно, что это относится и к языку этой литературы. Шишковисты (как несколько позднее Катенин, Кюхельбекер и некоторые другие) отстаивали не просто старые нормы; они исходили из старой стилистиче-

⁶ «Москвитянин», 1842, ч. 1, № 1, стр. VIII.

⁷ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1938, стр. 385—386.

⁸ См.: П. Н. Берков. Проблемы изучения русского классицизма. — В сб.: «Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма», изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 23.

⁹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. I. Изд. АГУ, Л., 1964, стр. 32.

ской системы. Но важно, что речь шла прежде всего (хотя и не исключительно) о тех сторонах этой системы, которые были связаны главным образом с «красноречием», с художественностью. Проблема общезыковой нормы мало беспокоила Шишкова (если не иметь в виду его отрицательного отношения к иноязычным элементам и связанных с этим попыток воскрешения некоторых забытых слов), — он ее просто не замечал, механически следуя своим языковым навыкам.

Специфическими особенностями языка художественной литературы в их связи с состоянием самой литературы объясняются и некоторые кажущиеся противоречия языка Карамзина. Выше уже говорилось о «поэтической речи» и «высоком стиле» как категориях разных систем. В то же время, как верно заметил П. Н. Берков, «и у Карамзина был свой высокий стиль».¹⁰ Но, может быть, есть основания говорить, что у Карамзина было два высоких стиля: один — в нетерминологическом и нетрадиционном смысле этого выражения, входящий в систему «нового слога»; другой — в традиционном смысле, — как следствие обращения к старым высоким художественным жанрам (например, его оды Александру; см. также некоторые произведения И. И. Дмитриева типа «Глас патриота» и др.); этот второй можно рассматривать как «некарамзинский», хотя и принадлежащий перу Карамзина и карамзинистов; это отражение иной, старой стилистической (и художественной) системы, и даже тот факт, что и здесь количество «высокой» лексики меньше, чем, например, у Державина, в данном случае не имеет принципиального значения. Но не безразлично то обстоятельство, что «карамзинское» представление об общелитературной норме полностью отражено и в этих произведениях, — и в этом смысле они факт нового языка, новой языковой системы.¹¹ Факты такого рода, разумеется, осложняют картину языкового развития и делают невозможным прямолинейное противопоставление двух стилистических систем, как внутренние замкнутых образований.

В меньшей степени осложняют системные отношения в литературном языке конца XVIII и начала XIX в. традиции «низкого стиля». В силу того, что «низкие» языковые элементы с самого начала «не умещались в объем понятия литературности», будучи в основном средством «характерологической квалификации и клас-

¹⁰ Вступительная статья к книге: Н. М. Карамзин, Избр. соч. в двух томах, т. I, изд. «Худ. литература», М.—Л., 1964, стр. 55.

¹¹ В связи со сказанным следовало бы стремиться к более точному и дифференцированному употреблению термина «архаизм». По существу этот термин, вполне уместный применительно к фактам общелитературного — как книжного, так и просторечного происхождения, — становится сомнительным или, во всяком случае, наполняется иным содержанием, когда речь идет о единицах художественно значимых.

сификации персонажей,¹² они занимали в языковой системе принципиально иное положение, чем элементы «высокие», четче изолировались в особую группу. Отмеченное П. Н. Берковым ослабление с конца 1770-х годов и постепенное исчезновение манеры подчеркнуто «диалектного» изображения языка крестьян в комедии¹³ свидетельствует о сдвигах в поэтике данного жанра. В то же время возникает проблема разграничения «низкого» стиля как специфической категории системы «трех стилей» и того — условно говоря — «простого стиля», который входит в иные системные отношения, соотносясь с книжным «славяно-русским» языком (наиболее яркие образцы этой стилистической разновидности можно найти в прозе Новикова, Крылова и др.). Важно подчеркнуть в этой связи необходимость строгого разграничения разных явлений; употребление просторечия и простонародных элементов как условный прием, связанный с традициями низкого стиля; простое отражение ненормированности устной речи; процесс ассимиляции (но не обязательно нейтрализации) просторечия общелитературным языком, по-разному отраженный в «простом стиле» и отчасти в «новом слог».

Известное положение о том, что в конце XVIII и начале XIX в. норма общелитературного языка с наибольшей чистотой воплощалась в художественной литературе, справедливо с той оговоркой, что в то же время именно художественная литература (затем — только поэзия) обладала в качестве нормативных такими языковыми средствами, которые становились чуждыми общелитературному языку. В этом своеобразии места языка художественной литературы в системе литературного языка этой поры.

¹² См.: В. В. Виноградов. Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII века. — Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени, М., 1960, стр. 4.

¹³ См.: П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII века. — Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 43.